

**Історико-культурні надбання Сіверщини у контексті історії України (Матеріали п'ятої науково-практичної конференції). – Глухів: РВВ ГДПУ, 2006. – 240 с.
ISBN 966-376-003-6**

Читачеві пропонуються матеріали конференції: основні доповіді, зроблені її учасниками. Збірник наукових статей висвітлює сучасний стан досліджень у сфері охорони історико-культурної спадщини Сіверщини. Збірник розрахований на широке коло науковців, викладачів, учителів шкіл, студентів та всіх тих, хто цікавиться проблемами історичного краєзнавства.

Редакційна рада: академік НАН України, доктор юридичних наук, професор *Ю.С.Шемшученко* (голова); доктор юридичних наук *В.І.Акуленко*; доктор історичних наук, професор *Г.Д.Казьмирчук*; доктор філологічних наук, професор *К.М.Тищенко*; доктор історичних наук *С.І.Білокінь*.

Редакційна колегія: *С.А.Слесарев* (голова), *С.П.Жукова*, *Ю.О.Коваленко*, *В.І.Белашов*, *В.В.Заїка*, *М.П.Гурець*.

Рекомендовано до друку Вченою радою ДІКЗ у м.Глухові
Протокол від 04.05.2006 р. № 2

Публікуючи проблемні матеріали, редакція подає лише авторський погляд

К ВОПРОСУ О СЛАВЯНО-САЛТОВСКИХ КОНТАКТАХ В БАССЕЙНЕ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

Бассейн Северского Донца и Оскола рассматривается большинством исследователей как район, где наиболее показательно прослеживаются контакты позднепеньковского и салтовского населения [Афанасьев 1987, 168-187; Любичев 1994, 88-91]. Здесь известно несколько салтовских погребальных комплексов, в которых присутствуют вещи славянского облика*.

Так, в катакомбе № 21 Старо-Салтовского могильника, на левой части грудной клетки женского костяка была обнаружена частично поврежденная в древности, но используемая по назначению, бронзовая антропо-зооморфная фибула (Рис. 1:1). Аналогичные фибулы, украшенные протомами коней, характерны для памятников пеньковского круга и время их бытования не выходит за рамки VII в. [Амброз 1993, рис. 3: 24-26; Приходнюк 1998, рис. 10: 23, 24]. Находка подобной фибулы в закрытом комплексе салтовской культуры явление уникальное, хотя ранние вещи в салтовских захоронениях не редкость [Плетнева 1989, 111, 162; Михеев 1986, 168]. Погребальный инвентарь, обнаруженный в катакомбе № 21, позволяет в целом датировать ее второй половиной VIII в. В катакомбе содержалось парное захоронение (мужчина и женщина). Первоначально в камеру было помещено тело мужчины, а спустя некоторое время к нему была подзахоронена умершая женщина. При этом костяк мужчины оказался несколько сдвинут к боковой стенке камеры, но он сохранил анатомический порядок. Поясной набор (пряжка византийского типа, штампованные бляшки) (Рис. 1: 7-9), сопровождавший мужчину [Аксенов 1999, рис. 7: 24-26], показывает, что захоронение было совершено в 40-50 гг. VIII в. [Гавритухин 2005, рис. 1: 104-106]. Поясной набор (Рис. 1: 2-5), сопровождавший погребенную в этой же катакомбе женщину с антропо-зооморфной фибулой пеньковского типа, уже салтовского типа, позволяет датировать погребение 750-770 гг. [Гавритухин 2005, рис. 1: 100 – 102; Комар 1999, табл. 4, 131-133].

На груди женского костяка № 2 из катакомбы № 42 Верхне-Салтовского могильника (раскопки В.Г.Бородулина 1986 г.) была найдена бронзовая трапециевидная подвеска с тремя пробитыми в верхней части отверстиями для подвешивания (Рис. 1: 10). Боковые стороны подвески были украшены рубчатой каемкой, в нижней части подвеска орнаментирована широкой каймой из трех рядов тисненых мелких бусин. Подвески подобного типа встречены в Хацках, Новой Одессе, Козиевке, Судже, на ряде других пеньковских памятниках [Корзухина 1996, табл. 22: 15-22; 45: 10-13; 53: 13, 14; 67: 1-5; 78: 3]. К сожалению, в данной катакомбе отсутствовали узко датированные вещи. Однако, общий облик инвентаря, наличие в его составе коромысловидной копоушки с петлей для подвешивания (Рис. 1: 11) (тип 2 по С.А.Плетневой), типологический состав бусинного материала позволяют датировать данный комплекс второй половиной VIII-серединой IX вв. Вышеназванные вещи характерны для ранней группы катакомбных захоронений Дмитриевского могильника [Плетнева 1989, 157, 158], погребений других могильников верхнего Подонцовья (например катакомба № 21 Старо-Салтовского могильника) [Аксенов 1999, рис. 7: 13].

В катакомбе № 24 того же могильника (раскопки В.Г.Бородулина 1984 г.) была обнаружена литая трапециевидная подвеска размером 2,5-3,0 x 2,5 см с ушком для подвешивания (Рис. 1: 12). Вдоль края подвески идет рубчатая каемка, оконтуренное каемкой поле подвески украшено девятью (три ряда по три) солярными знаками – круг диаметром 4 мм с точкой внутри. Подобные подвески с солярной символикой, но квадратной формы и вырезанные из пластины, происходят из Козиевки и Новой Одессы [Корзухина 1996, табл. 45: 9; 52: 1-4]. Сближает данную подвеску с изделиями пеньковского времени использование для ее получения свинцово-оловянного сплава [Егорьков, Щеглова 2000]. Камера катакомбы № 24 содержала коллективное захоронение (трое взрослых, двое детей). Из захоронения происходят элементы поясной гарнитуры, которые позволяют достаточно хорошо датировать данную катакомбу.

* Хочу выразить свою признательность В.Г. Бородулину и В.К. Михееву за возможность ознакомиться с материалами их раскопок.

Так, здесь найдены штампованные бляшки подквадратной формы, в нижней части которых имеется имитация прямоугольной петельки (Рис. 1: 16). Данные изделия являются подражанием литым бляшкам, происходящим из комплексов предсалтовского времени [Комар 1999, табл. 3: 20]. Поле бляшек украшено тисненым орнаментом, аналогичным орнаменту, отмеченному на бляшках из ранней катакомбы № 143 Дмитриевского могильника [Плетнева 1989, рис. 86]. Штампованные бляшки разной формы с имитацией прямоугольной петли для подвешивания в нижней части характерны в основном для комплекса раннесалтовского времени (горизонт I/II по А.В. Комару) [Комар 1999, табл. 4: 12, 13, 15, 16]. Это позволяет датировать катакомбу № 24 Верхне-Салтовского могильника 760-790 гг. [Гавритухин 2005, рис. 1: 116; Комар 1999, табл. 4, 131-133]. Не противоречат такой датировке комплекса обнаруженные здесь же штампованные бляшки (рис. 1: 15), являющиеся подражанием подкововидным бляшкам с округлыми расширениями на концах и посередине дуги, встречающимся в памятниках 710-740 гг. [Гавритухин 2005, рис. 1: 166, 219, 220, 264, 266]. Обнаруженные в катакомбе № 24 литая копоушка с фигурной ручкой в виде цепочки из колец (Рис. 1: 13), поясной разделитель на три ремешка, концы которого украшены стилизованными бутонами лотоса (Рис. 1: 14), только подтверждают нашу датировку комплекса.

Из урнового трупосожжения № 29 могильника Сухая Гомольша происходит круглая подвеска диаметром 5,0 см, вырезанная из бронзовой пластины вместе с ушком, пластина на месте ушка загнута назад, образуя петлю для подвешивания (Рис. 1: 17). В центре подвески двенадцать тисненых полушариков, образующих ромб, внутри которого находится еще один тисненый полушарик, но несколько большего размера. По краю подвески идет широкая кайма из трех рядов тисненых мелких бусинок. Ближайшими аналогами данной подвески являются подвески из низкопробной серебряной пластины Пастырского клада 1949 г. [Корзухина 1996, табл. 27: 1-3]. Датировается данное погребение по происходящим из него двум бронзовым поясным бляшкам (Рис. 1: 19). Это листовидной формы бляшки, нижний край которых оформлен в виде неподвижной петельки для подвешивания. Поле бляшек украшено орнаментом в виде не распустившегося цветка лотоса, который соответствует начальному этапу освоения салтовскими мастерами лотосовидного орнамента (горизонт I по А.В. Комару), датированного концом VIII-началом IX вв. (Комар 1999, табл. 4, 131-133; Фоминская 1986, 45, рис. 4: 2, 5). Не противоречит такой датировке нашего комплекса и обнаруженная в данном погребении ворворка в виде усеченной четырехгранной пирамиды (Рис. 1: 18). По материалам Крыма данные изделия характерны для комплексов второй половины VIII [Айбабин 1993, рис. 2: 25, 123-124, 126].

В ямной кремации № 54 того же Сухогомольшанского могильника была обнаружена бронзовая подвеска-ворворка в виде полого усеченного конуса высотой 1,5 см, меньший диаметр – 0,5 см, больший диаметр – 2,6 см (Рис. 1: 20). По нижнему краю проходит ряд мелких вертикальных насечек. Аналогичные изделия происходят из Козиевского и Гапоновского кладов, из погребения у с. Смородино [Корзухина 1996, табл. 46: 11 – 18; 54: 15 – 28; 60: 8 – 11; Гавритухин, Обломский 1996, рис. 33: 7 – 65]. Время совершения данного погребения определяется по обнаруженным в захоронении поясному наконечнику (Рис. 1: 23), поясной бляшке (Рис. 1: 22) и бронзовому чумбурному блоку (Рис. 1: 21). Бляшка представляет собой обычную литую прямоугольную рамку. Наконечник представляет собой прямоугольной формы пластину, один край которой закруглен, на втором имеются два пятиугольной формы выступа для крепления его к кожаной основе. Края наконечника оформлены в виде слегка выпуклого гладкого бордюра. И наконечник, и поясная бляшка имеют облик, характерный для вещей горизонта II по А.В. Комару [Комар 1999, табл. 4, 131-133], и, следовательно, могут быть датированы концом VIII-началом IX вв. Чумбурный блок, обнаруженный в данном захоронении, представлен типом, хорошо известным в салтовских древностях. Однако, центральная часть изделия оформлена в несвойственной для «классических» салтовских древностей манере. Так, отверстие в фигурной рамке блока помещено в центр восьмилепестковой розетки. Подобный орнамент был обнаружен на бронзовом кистене из раннеболгарского кургана в Среднем Поволжье (к. 1, погр. 1, Брусяны III), датированном второй половиной VII-VIII вв. [Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998, рис. 24: 7, 164]. Сочетание в чумбурном блоке из погребения №59 типичной для «классических» салтовских изделий формы с орнаментом, встречающимся на вещах предсалтовского времени, указывает на переходный характер данной вещи.

Таким образом, по погребальному инвентарю захоронения № 29 и 54 могильника Сухая Гомольша датируются концом VIII-началом IX вв.

В совершенно не свойственном для салтово-маяцких древностей стиле оформлен конский начельник (Рис. 1: 25) из кремационного погребения № 175 могильника Сухая Гомольша. На сохранившемся фрагменте начельника нанесен точечный чеканный орнамент в виде двух параллельных линий, по-видимому, идущих вдоль края изделия. Место соединения трубочки султана с пластиной начельника украшено двумя линиями точечной окантовки. Данный орнамент нанесен пробойником с обратной стороны изделия. При этом на обратной стороне образовывались луночки, а на лицевой стороне – небольшие круглые выпуклости.

Аналогичную по стилю и техническому исполнению орнаментацию мы видим на двупластинчатых антропоморфных фибулах с Пастырского городища [Приходнюк 1994, 65, рис. 4; Приходнюк 1998, 95, рис. 3], на антропоморфных фибулах из кладов первой половины VIII в. из Самгородка, Зайцева, Харивки [Щеглова 1990, 200, рис. 9, 203, рис. 12, 204, рис. 13], на фибулах Иваницкого клада [Макаренко 1908, табл. II: 8], и фибулах из Песчанки и Салтова [Амброз 1993, 182, рис. 3: 37; Приходнюк 1998а, рис. 10: 29], датируемых концом VIII-началом IX вв. Таким же тисненым орнаментом украшены пластины круглой, прямоугольной или трапециевидной формы, входившие в состав Пастырского клада 1949 года, в клады из Новой Одессы, Козиевки и Суджи [Корзухина 1996, 617, табл. 27: 1-3; 635, табл. 45: 9; 643, табл. 53: 3, 4, 8-10; 657, табл. 67: 1-5]. Подобный орнамент отмечен на бронзовой пластинчатой подвеске из захоронения первой половины VIII века (№ 59) могильника Мокрая Балка [Ковалевская 1996, рис. 6: 6].

Частью начельника, вероятно, является и обнаруженная в погребении № 175 бронзовая пластина, поле которой украшено сложным чеканным орнаментом в виде причудливо изогнутых линий (Рис. 1: 24). Отчетливо видна вертикальная линия, заканчивающаяся на одном конце воллютой, усложненной отростком. На втором конце вертикальная линия переходит в сложную остроконечную восьмеркоподобную фигуру, также усложненную двумя изогнутыми отростками. Орнамент выполнен оттиском поставленного под углом к пластине пуансона, из-за чего на металлической пластине остались следы в виде полукруга, образующие изогнутые линии орнамента. Стилистически узор на пластине начельника близок орнаменту, нанесенному на некоторые элементы поясного набора из Мартыновского клада второй половины VII века и Хацковского клада [Корзухина 1996, 603, табл. 13: 5, 609 19: 9, 10, 13-18, 612, табл. 22: 7-11], на пластине из Мошинского клада [Седов 1982, 81, табл. XV]. Различия в технике нанесения орнамента на детали поясного набора из Мартыновки и Хацка от начельника из Сухой Гомольши объясняются характером самих изделий. Детали пояса из Мартыновского и Хацковского кладов массивные, литые, поэтому орнамент на них нанесен врезными линиями, начельник же выполнен из тонкой бронзовой пластины, что и обусловило применение техники чеканки (тиснения). В такой же технике выполнен тамгообразный знак и на пластине из Мошинского клада. В целом же сходство орнамента на этих разновременных вещах несомненно.

Все выше сказанное позволяет датировать и начельник, и само погребение № 175 Сухой Гомольши рубежом VIII-IX вв. Остальной инвентарь данного захоронения [Михеев 1985, рис. 11: 1-20] не противоречит данной датировке.

В знаках, изображенных на пластине из погребения № 175, ряд исследователей склонен видеть сарматские или тюркские тамги [Рыбаков 1953, 96; Приходнюк, Шовкопляс, Ольговская, Струина 1993, 76]. А вещи, на которых они нанесены, так как они обнаружены в районах распространения пеньковских древностей, граничащих со степью, рассматриваются как факт влияния на славянское население культуры тюркоязычных кочевников третьей четверти I тыс. н. э., которые внедрялись в среду последних [Приходнюк 2000, 156]. Культурное влияние, по-видимому, все же было обоюдным. Вещи, выполненные славянскими ремесленниками, попадали и к их степным соседям.

Исходя из всего выше сказанного, можно предположить, что общее оформление рассмотренных нами изделий, техника нанесения орнамента косвенно свидетельствуют о связи населения, оставившего данные салтовские комплексы, с носителями ремесленных традиции племен Днепровского Левобережья предшествующего времени (финальный этап существования пеньковской культуры). В «классических» салтовских древностях подобные изделия достаточно немногочисленны, а точечный тисненый орнамент встречается на вещах второй поло-

вины VIII-начала IX вв. Это ложечка с пластинчатой рукояткой и позолоченные наконечники пояса из Старо-Салтовского катакомбного могильника [Аксенов 1999, 141, 144, рис. 3: 21, 24, 25], двучастные туалетные коробочки, предшествующие по времени так называемым «самоварчикам» [Аксенов 1999, рис. 3: 18, 4: 33], щиток поясной пряжки из комплекса № 2 второй половины VIII века у с.Новая Покровка [Кухаренко 1951, рис. 34].

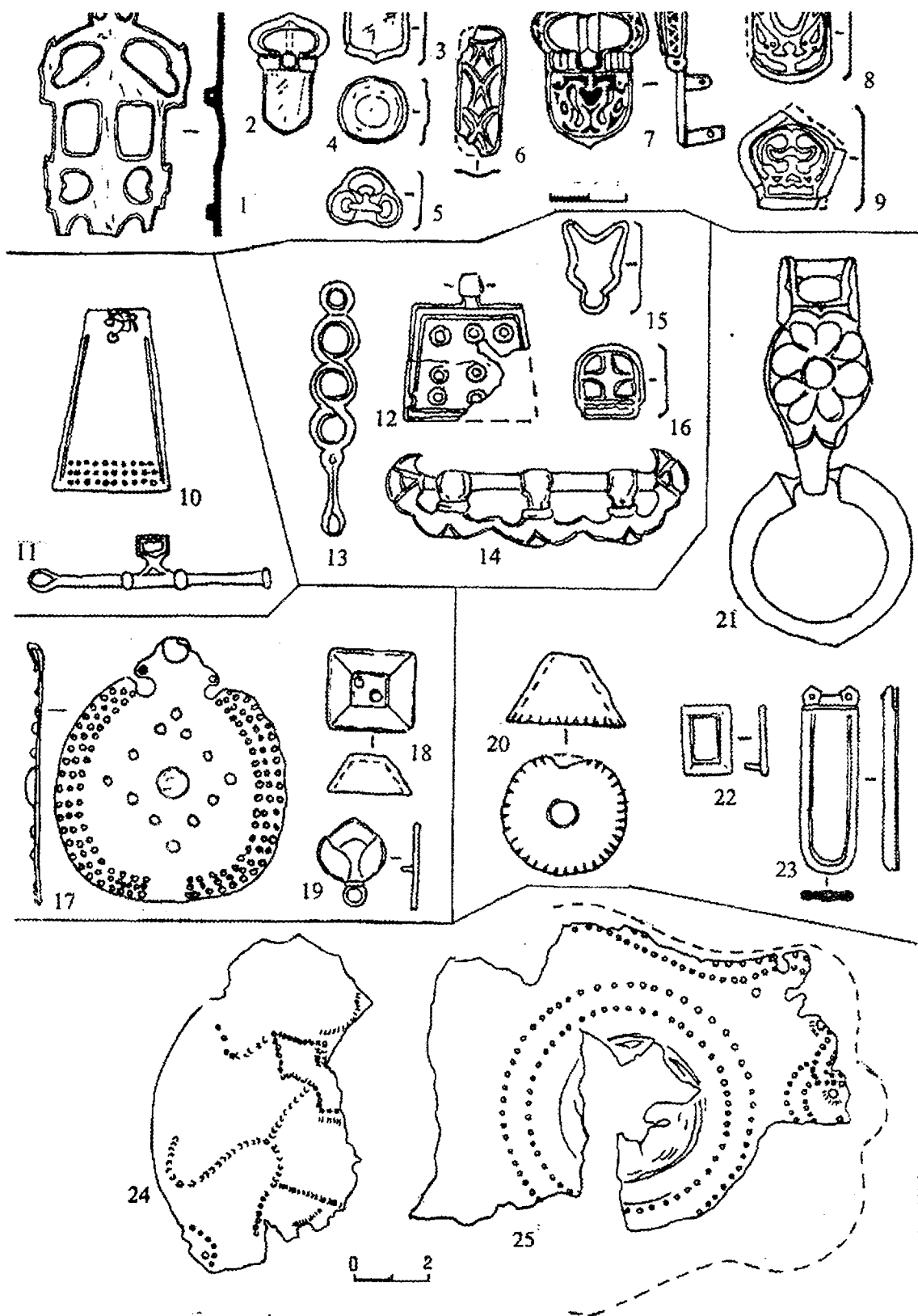
Поэтому попадание вещей славянского облика в салтовские комплексы следует связывать с той политической ситуацией, которая сложилась в конце VII-середине VIII вв. на границе степи и лесостепи в Днепро-Донском междуречье.

Начавшийся еще в третьей четверти I тыс. н.э. (пеньковская культура) процесс проникновения в славянскую среду выходцев степного тюркоязычного населения с последующей ассимиляцией последних продолжился с оттоком из степи в лесостепные районы Днепровского Левобережья отдельных болгарских родов после разгрома Великой Болгарии Кубрата хазарами (конец VII или начало VIII вв.) [Сухобоков 1999, 36]. Расселившись здесь компактной группой среди славян, также вынужденных сопротивляться хазарской экспансии, болгары становятся своего рода консолидирующим элементом северянского окружения, материальным свидетельством чему является мощный культурный импульс, который наиболее выразительно проявился в волынцевских древностях [Сухобоков 1998, 42; Сухобоков 2004, 163]. С распространением пусть даже номинальной власти хазар на пограничные со степью районы Днепровского лесостепного Левобережья, что выразилось в выплате дани тремя славянскими племенными объединениями, население данного региона, представленное славянами, болгарами, сармато-аланами, уграми принимает участие в формировании салтово-маяцкой археологической культуры Подонья. Пример такого культурного симбиоза мы и видим в рассматриваемых захоронениях.

Преобладание в рассматриваемых изделиях вещей, связанных с женским костюмом, указывает путь попадания их в салтовскую среду – через брачные отношения. Пришлый в начале VIII века в верхнее Подонцовье контингент (аланы, праболгары), вероятно состоящий из неженатых молодых мужчин, брал себе в качестве жен представительниц местного населения. Присутствие же среди рассматриваемых вещей предметов, связанных с экипировкой коня воина-всадника (ворворка из погребения № 54, начальник из погребения № 175 могильника Сухая Гомольша) позволяет предположить нахождение в составе салтовских воинских отрядов выходцев из местной среды («волынцевцев» – славян, болгар, сармато-алан). Присутствие же в войске хазарского каганата славянских вооруженных отрядов подтверждается данными письменных источников [Новосельцев 1990, 121].

Таким образом, обнаружение в закрытых салтовских комплексах второй половины VIII-начала IX вв. вещей славянского круга подтверждает тезис о симбиозе в бассейне Северского Донца местного населения (славян и сармато-алан) с представителями пришлых этносов (аланами и праболгарами). Вместе они и создали такое яркое явление как салтово-маяцкая археологическая культура.

Рис. 1. 1-9 – вещи из катакомбы № 21 Старо-Салтовского могильника; 10, 11 – вещи из катакомбы № 42 Верхне-Салтовского (основного) могильника; 12-16 – вещи из катакомбы № 24 Верхне-Салтовского (основного) могильника; 17-19 – вещи из погребения № 29 Сухогомольшанского кремационного могильника; 20-23 – вещи из погребения № 54 Сухогомольшанского кремационного могильника; 24, 25 – фрагменты конского начальника из погребения № 175 Сухогомольшанского кремационного могильника.

Послания

1. Айбабин А.И. Могильники VIII-начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. – Вып. III. – 1993.
2. Аксенов В.С. Старосалтовский катакомбный могильник // Vita antiqua – № 2. – 1999.
3. Амброс А.К. К происхождению днепровских антропо-зооморфных фибул // РА. – №2. – 1993.
4. Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII – X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. – Вып. 2. – М., 1987.
5. Багаудинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998. Праболгары на Средней Волге. У истоков татар Волго-Камья. – Самара.
6. Гавритухин И.О., Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ременной гарнитуры) // Хазары. – Иерусалим – Москва, 2005.

7. Гавригухин И.О., Обломский А.М., Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. – М., 1996.
8. Егорьков А.Н., Щеглова О.А. Состав свинцово-оловянных сплавов раннеславянских кладов «древностей антов» // Археометрия та охорона історико-культурної спадщини. – Вип. 4. – К., 2000.
9. Ковалевская В.Б., Проблемы математической обработки археологического материала VI – IX вв. (по материалам Кавказа) // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. – Самара, 1996.
10. Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita antiqua. – № 2. – К., 1999.
11. Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // МАИЭТ. – Т. V. – Симферополь, 1996.
12. Кухаренко Ю.В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. – Т. XLI. – 1951.
13. Любичев М.В., Контакты славян Днепро-Донского междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в конце VII-начале VIII вв. // Древности 1994. – Харьков, 1994.
14. Макаренко Н.Е. Материалы по археологии Полтавской губернии // Труды ПУАК. – Полтава, 1908.
15. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков, 1985.
16. Михеев В.К. Сухогомольшанский могильник // СА. – № 2. – 1986.
17. Новосельцев А.П., Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990.
18. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М., 1989.
19. Приходнюк О.М. Технология виробництва та витоки ювелірного стилю металевих прикрас Пастирського городища // Археологія. – № 3. – 1994.
20. Приходнюк О.М. Пастирський скарб 1992 року // Археологічний літопис Лівобережної України. – № 1 – 2. – Полтава, 1998.
21. Приходнюк О.М., Основні підсумки та завдання вивчення Пастирського городища // Археологія. – № 3. – 1998.
22. Приходнюк О.М. Военно-политический союз антов и тюркский мир (по данным исторических и археологических источников) // МАИЭТ. – Т. VII. – Симферополь, 2000.
23. Приходнюк О.М., Шовкопляс А.М., Ольговская С.Я., Струина Т.А., Мартыновский клад // МАИЭТ. – Т. III. – Симферополь, 1993.
24. Рыбаков Б.А. Древние русы // СА. – Т. XVII. – 1953.
25. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. – М., 1982.
26. Сухобоков О.В. Этнокультурная история Левобережной Украины I – начала II тыс. // Археологія. – № 2. – 1998.
27. Сухобоков О.В. До походження та інтерпретації пам'яток волинцевського етапу культури літописних сіверян // Археологія. – № 2. – 1999.
28. Сухобоков О.В. Тюркомовні народи в історії населення лівобережноріпчовської лісостепової України (археологічний аспект) // Хазарський альманах. – Т. 3. – Харьков, 2004.
29. Фоякова Н.А. Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII – IX вв. // СА. – № 3. – 1986.
30. Щеглова О.А. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. – Курск, 1990.

Martin Dimnik
Pontifical Institute of Mediaeval Studies, Toronto

BATURYN BEFORE THE TATAR INVASION

Baturyn is never mentioned in medieval chronicles. We must therefore try to learn its political, cultural, economic, and Church history by studying the histories of the towns in its vicinity in the Zadesen'e region. Above all, we must turn to archaeological evidence. Artifacts found on the town's citadel and in its suburbs give us valuable information about its material history. They tell us, for example, for how long it was inhabited, when it was fortified, the identity and culture of its inhabitants, their occupations, and their contacts with other towns and lands.

The term Zadesen'e, or "the land beyond the Desna", refers to the region located on the left bank of the lower Desna in the medieval principality of Chernigov. Its western boundary ran south from Chernigov along the river Desna to the mouth of the river Oster. Its southern boundary followed the Oster east to its source, then across a number of swamps to the region of Glebl' [1]. Its eastern boundary ran north from the region of Glebl' to the river Seym. Finally, its northern boundary followed the Seym to its confluence with the Desna and then went along the latter to Chernigov [2].

The Zadesen'e was not densely populated owing, in part, to its many swamps and saline deposits. Its regional center was Vsevolozh [3]; all the main roads from the Posem'e in the east and the Posul'e in the southeast passed through it to Chernigov. To the south and east of Vsevolozh lay a number